Сов. Россия. — 1996. — 6 авг.

ПРОЧТЕНИЕ

К 75-летию со дня смерти А.А.Блока

Владимир КРЫЛОВ (Тверь)

Сон о Ней

Избранник Прекрасной Дамы

ОДИН из замечательных представителей Серебряного века русской поэзии — Александр Блок, — пожалуй, самая загадочная звезда на небосклоне отечественной "изящной" словесности начала XX столетия. "Символизм" символизмом, но для характеристики его таланта потребовались бы такие эпитеты, что даже великий и могучий русский язык с трудом бы вместил все то, чем можно было бы наградить творчество такого поэта! Его современник и почитатель Игорь Северянин в своих "Медальонах" оставил такое посвящение Александру Александровичу: "Красив, как Демон Врубеля, для женщин он лебедем казался, чье перо белей, чем облако и серебро, чей стан дружил, как то ни странно, с френчем... Благожелательный и к меньшим, и к меньшим, дерзал — поэтно — видеть в зле добро! Взлетал. Срывался. В дебрях мысли брел. Любил Любовь и Смерть, двумя увенчан. Он тщетно на земле любви искал: ее здесь нет. Когда же свой оскал явила смерть, он понял: Незнакомка... У рая слышен легкий хруст шагов: подходит Блок. С ним — от его стихов — лучащаяся — странничья котомка".

Как точно выражен в этих строках весь непростой путь, который было суждено пройти Блоку-поэту, Блоку-человеку!

... Его называли "русским Гамлетом", и не без основания. Многое из того, что довелось испытать автору "Незнакомки", цикла стихотворений о "Прекрасной Даме", "Поля Куликова", "Двенадцати", напоминает известный шекспировский излом "принца Датского", отягощенного борьбой Добра и Зла в самом себе. Да и сам Александр Александрович однажды напишет (1914 год):

"Я — Гамлет. Холодеет кровь, когда плетет коварство сети. И в сердце — первая любовь жива — к единственной на свете. Тебя, Офелию мою, увел далеко жизни холод, и гибну, принц, в родном краю, клинком отравленным заколот".

Красной нитью прошел через все творчество Блока образ величавой Вечной Жены...

"Ты в поля отошла без возврата. Да святится Имя Твое! Снова красные копья заката протянули ко мне острие. Лишь к Твоей золотой свирели в черный день устами прильну. Если все мольбы отзвенели, угнетенный, в поле усну. Ты пройдешь в золотой порфире — уж не мне глаза разомкнуть. Дай вздохнуть в этом сонном мире, целовать излученный путь... О, исторгни ржавую душу! Со святыми меня упокой, ты, держащая море и сушу неподвижно тонкой Рукой!"

Долгое время эта часть блоковского стихотворного наследия изучалась мало и неохотно — то ли дело "Двенадцать"! "Пореволюционная" вещь, которую можно читать уходящим на Деникина или белополяков эшелонам красноармейцев! И десятилетиями пытались свести все творчество великого поэта лишь к двум поэмам: "Двенадцать" и "Скифы", написанным после и под влиянием Великого Октября! Мол, это — шедевры, а все остальное — так... "декадентщина", "салонная поэзия", смесь заумной полурелигиозной - полудемонической философии с "западничеством" (отчасти с "русофильством"!). Это не совсем так! Не умаляя высоких художественных достоинств "Двенадцати" (поэмы, до сих пор до конца не расшифрованной и не понятой!), Блока нельзя свести лишь к этой, "закатной" части его поэтического пути. Его стихотворный багаж даст сто очков вперед любому обладателю многотомного собрания сочинений! Да и что там багаж! Лишь два-три стихотворения Александра Александровича (вроде "Незнакомки"!) могли бы навеки прославить его имя! А таких шедевров — сотни!

... Разумеется, Александр Блок немыслим без знаменитой и всеми боготворимой "Незнакомки" (1906 г.):

"... И каждый вечер в час назначенный (Иль это только снится мне?), девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне. И медленно пройдя меж пьяными, всегда без спутников, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна. И веют древними поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука. И странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль, и вижу берег очарованный и очарованную даль. Глухие тайны мне поручены, мне чье-то солнце вручено, и все души моей излучины пронзило терпкое вино. И перья страуса склоненные в моем качаются мозгу, и очи синие бездонные цветут на дальнем берегу. В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне! Ты право, пьяное чудовище! Я знаю: истина в вине".

А.А.Блок как поэт многогранен. Вот незамысловатое стихотворение, написанное в самом начале творческого взлета:

"Мы живем в старинной келье у разлива вод. Здесь весной кипит веселье и река поет. Но в предвестие веселий, в день весенних бурь к нам прольется в двери келий светлая лазурь. И, полны заветной дрожью долгожданных лет, мы помчимся к бездорожью в несказанный свет".

Как чудно, прелестно воспринимается это раннее блоковское произведение! Созвучно оно всему русскому: от Пушкина и Фета, Некрасова и Майкова до Есенина! А вот еще, такое же простое и трогательное:

"Весна в реке ломает льдины, и милых мертвых мне не жаль: преодолев мои вершины, забыл я зимние теснины и вижу голубую даль. Что сожалеть в дыму пожара, что сокрушаться у креста, когда всечасно жду удара или божественного дара из Моисеева куста!".

Его любовная лирика нежна и целомудренна:

"Мы встречались с тобой на закате, ты веслом рассекала залив. Я любил твое белое платье, утонченность мечты разлюбив. Были странны безмолвные встречи. Впереди — на песчаной косе загорались вечерние свечи. Кто-то думал о бледной росе. Приближений, сближений, сгораний — не приемлет лазурная тишь... Мы встречались в вечернем тумане, где у берега рябь и камыш. Ни тоски, ни любви, ни обиды, все померкло, прошло, отошло... Белый стан, голоса панихиды и твое золотое весло..."

Неповторим, пронизан цветным блеском храмов и драгоценной церковной утвари, пением хора и треском благоуханных кадильных свечей, глубокой и возвышенной любовью, почти что верой, цикл стихов о Прекрасной Даме.

Какое же чувство носил в себе поэт, способный написать, к примеру, такие строки:

"Я к людям не выйду навстречу, испугаюсь хулы и похвал. Пред Тобою Одной отвечу за то, что всю жизнь молчал. Молчаливые мне понятны, и люблю обращенных в слух: за словами — сквозь гул невнятный просыпается светлый Дух. Я выйду на праздник молчанья, моего не заметят лица. Но во мне — потаенное знанье о любви к Тебе без конца".

Исследователи творчества Блока давно уже приписали эти изысканные, полные скрытого духовного содержания стихи... Любови Менделеевой, его самой горькой любви, не лишенной того гамлетовского содержания, о котором я уже упоминал. Не исключаю, что так в действительности и было: кому-то молодой поэт, безусловно, посвящал лучшие стихотворения, крик своей пробудившейся души... Спорить не буду — слишком "маститы" оппоненты! Но...обращаюсь к Зинаиде Гиппиус — русской поэтессе, хорошо знавшей и понимавшей поэзию Блока:

"...Еще несколько страниц, конец, и я опять говорю, изумленно и уверенно: "И ведь Она, Прекрасная Дама, ведь она — РОССИЯ!". И опять он (Блок) отвечает так же просто: "Да, Россия... Может быть, Россия. Да". ...Наедине с ним становилось понятнее: он свое для себя вырастил в душе. Свою Россию, и ее полюбил, и любовь свою полюбил — "несказанную". (З.Гиппиус. "Живые лица". "Искусство". 1991).

Вот такое мнение существует об образе Прекрасной Дамы! И, как видим, Александр Блок не то чтобы согласился с подобной интерпретацией, но и...не возражал! Видимо, она и ему самому была близка.

Образ Прекрасной Дамы (и это мое глубокое убеждение!) не мог быть "зациклен" на ком-то (или чем-то!) одном, пусть самом близком поэту! Это СОБИРАТЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ — в него входят фрагменты всех тех, кого Блок боготворил в этой жизни и в жизни вечной: от библейских персонажей до реальных, земных женщин, наполненных загадочностью, прелестью и целомудренностью, так присущих выходцам из русского народа! Пусть вперемежку попадаются "дамы из замков" — это просто дань моде, вспомним известное северянинское:

"...королева играла в башнях замка Шопена, и, внимая Шопену, полюбил ее паж". Эра замков и пажей давно прошла, но...как романтично вставить в изысканный стих элемент готики: "замки", "бароны", "менестрели"?! Простим же великому русскому поэту некоторое увлечение.

СКОЛЬКО бы мы ни перечитывали стихи этого русского гения, постоянно преследует ощущение новизны, сопричастности нашему бурному времени. Как будто написаны они не восемь-девять десятилетий назад, а вчера! Как близки лично мне и многим другим русским людям его стихотворения о Родине, о России! Какой нежностью, какой любовью пронизаны строки, посвященные нашей Отчизне!

"...Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые— как слезы первые любви!.."

Какой парадокс: Блок писал о нищей России, России Романовых, той, которой восхищаются иные деятели "реформаторского толка"! Да! Вопреки тогдашним нынешним "подпевалам" у той России не было великого будущего: народ стапятидесятимиллионной державы на $^2/_3$ не знал грамоты; невежество, бедность, бесправие были уделом основной массы тогдашних россиян! Лишь большевики Ленина вывели эту страну в передовые, индустриальные, развитые! Многие десятилетия Советская Россия стояла в одном ряду с самыми мощными промышленными гигантами планеты! Стояла... Теперь... уже не стоит! Отброшена назад, в дореволюционное прошлое, по многим "параметрам"! По остальным будет отброшена в скором времени! Это для тех, кто выбирал "будущее" в лице Ельцина!

"В голодной и больной неволе и день не в день, и год не в год. Когда же всколосится поле, вздохнет униженный народ?.."

Это тоже блоковский "ответ" нынешним почитателям той, мифической, страны, что избрала иной путь в октябре 1917 года, избрала сознательно и прошла этот новый путь с честью, со славой!

Вот еще одно стихотворение, в котором А. Блок обращает свой взор к Родине:

"Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться? Царь да Сибирь, да Ермак, да тюрьма! Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться... Вольному сердцу на что твоя тьма? Знала ли что? Или в Бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да, меря, намерила гатей, дорог да столбов верстовых... Тихое, долгое, красное зарево каждую ночь над становьем твоим... Что же маячишь ты, сонное марево? Вольным играешься духом моим?".

Эти берущие за душу строки лишь иногда сменяются вот такими:

"Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне".

Написано 26 августа 1914 года, в пору "ура-патриотических" манифестов первой мировой войны! Гремел по всей России знаменитый марш "Прощание славянки", потемнели дороги от многомиллионных движущихся колонн защитников Отечества...

"Петроградское небо мутилось дождем, на войну уходил эшелон. Без конца— взвод за взводом и штык за штыком наполнял за вагоном вагон. В этом поезде тысячью жизней цвели боль разлуки, тревоги любви, сила, юность, надежда... В закатной дали были дымные тучи в крови. И, садясь, запевали "Варяга" одни, а другие — не в лад — Ермака, и кричали ура и шутили они, и тихонько крестилась рука. Вдруг над ветром взлетел опадающий лист, раскачавшись, фонарь замигал, и под черною тучей веселый горнист заиграл к отправленью сигнал. И военною славой заплакал рожок, наполняя тревогой сердца. Громыханье колес и охрипший свисток заглушило ура без конца. Уж последние скрылись во мгле буфера, и сошла тишина до утра, а с дождливых полей все неслось к нам ура, в грозном крике звучало: пора! Нет, нам не было грустно, нам не было жаль, несмотря на дождливую даль. Это — ясная, твердая, верная сталь, и нужна ли ей наша печаль? Эта жалость — ее заглушает пожар, гром орудий и топот коней. Грусть — ее застилает отравленный пар с галицийских кровавых полей".

Это стихотворение, несмотря на отдельные его "ухарские" обороты, на мой взгляд, гневный упрек войне, бросающей в свою ненасытную пасть миллионы живых людей. И хотя сам А. Блок нарядился в полувоенный мундир "земгусара", занимаясь снабжением армии в Полесье, думаю, что это лишь желание быть со своим народом, делить с ним все тяготы свалившейся на голову и плечи простых россиян страшной мировой "мясорубки"! Не становиться в "позу", а разделять с народом скорби и радости — это ли не подтверждение истинного, а не показного патриотизма? Полагаю, что Александр Блок выдержал "экзамен" на патриота России в большей степени, чем те, кто в тылу с эстрад декламировал плохо скроенные милитаристские вирши или делал вид, что ничего не происходит: война — ну и пусть себе идет на здоровье!

А разве не поднимали многих россиян в критические часы и дни блоковские стихи из цикла "Поле Куликово"? Им нынче пытаются приписать совершенно противоположное звучание и значение, мол, Блок имел в виду извечный антагонизм простого народа и интеллигенции!.. Какая чушь! Безусловно, что-то художник мог и зашифровать, но разве кого-то собьют с толку эти строки, наполненные глубоким патриотическим содержанием:

"Река раскинулась. Течет, грустит лениво и моет берега,
Над скудной глиной желтого обрыва в степи грустят стога".

("Грустят стога"! — как это по-блоковски! Умел он чувствовать природу своей Отчизны! — **В. К.**). "О, Русь моя! Жена моя!.." (Вот вам и разгадка Прекрасной Дамы, величавой Вечной Жены! — **В. К.**).

"Наш путь — стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь... И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль... Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль... И нет конца! Мелькают версты, кручи... Останови! Идут, идут испуганные тучи, закат в крови! Закат в крови! Из сердца кровь струится! Плачь, сердце, плачь... Покоя нет! Степная кобылица несется вскачь!"

Не образ ли Вечной Жены, Богородицы, Спасительницы земли Русской проходит сквозь "Поле Куликово"

"И с туманом, над Непрядвой спящей, прямо на меня ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня. (Ангелы, носители Божьей воли никогда не пугают коней в отличие от "слуг дьявола".— **В. К.**). *Серебром волны блеснула другу на стальном мече, освежила пыльную кольчугу на моем плече. И когда, наутро, тучей черной двинулась орда, был в щите Твой Лик Нерукотворный светел навсегда".*

Как важно в наше непростое время, когда идет борьба добра и зла, будущего и прошлого (взявшего временный "реванш"), когда решается судьба России, помнить эти знаменитые блоковские стихи:

"...Не может сердце жить покоем, недаром тучи собрались. Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал.— Молись!"

Сколько по Руси этих спокойных, довольных "реформами" сытых прихвостней, готовых опять-таки, по Блоку, положив под икону "грошик медный", отнять этот же "грошик" у своего ближнего, вырвать кусок хлеба изо рта голодного ребенка, несчастной беженки, униженной пенсионерки, безработного?!

Кто еще мог такое написать о Руси?

"Ты и во сне необычайна. Твоей одежды не коснусь. Дремлю — и за дремотой тайна, и в тайне — ты почиешь, Русь. Русь, опоясана реками и дебрями окружена, с болотами и журавлями, и с мутным взором колдуна, где разноликие народы из края в край, из дола в дол ведут ночные хороводы над заревом горящих сел. Где ведуны с ворожеями чаруют злаки на полях, и ведьмы тешатся с чертями в дорожных снеговых столбах... Дремлю — и за дремотой тайна, и в тайне — почивает Русь, она и в снах необычайна. Ее одежды не коснусь".

Так проникнуть в смысл, в бытие России мог лишь великий ее сын. Было много талантливых, замечательных поэтов, но лишь Блоку доступны глубина и широта Руси, ее вера и суеверия, ее бодрствование и... сон! Сон богатыря!

...В ТВОРЧЕСТВЕ Блока были и "Возмездие" (чем-то напоминающее и созвучное "Евгению Онегину" Пушкина!), и "Пляски смерти", и пьеса "Роза и Крест"... Однако логично было то, что именно А. Блок одним из первых принял Октябрьскую революцию. Его поэма "Двенадцать" — алмазный венец, "изготовленный" им же самим ...революции! Точнее, поэтический гимн этой самой революции, где переплелись и реальное и потустороннее...

"Черный вечер, Белый Снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек. Ветер, ветер — на всем Божьем свете!.. Гуляет ветер, порхает снег. Идут двенадцать человек. (Винтовок черные ремни, кругом огни, огни, огни... В зубах цигарка, примят картуз, на спину надо б бубновый туз! Свобода, свобода, эх, эх, без креста! Тра-та-та!.. Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг! Товарищ, винтовку держи, не трусь! Пальнем-ка пулей в Святую Русь — в кондовую, в избяную, в толстозадую! Эх, эх, без креста!

...Как пошли наши ребята в красной гвардии служить, в красной гвардии служить — буйну голову сложить! Эх ты, горе-горькое, сладкое житье! Рваное пальтишко, австрийское ружье! Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем. Мировой пожар в крови — Господи, благослови!.. Стоит буржуй, как пес голодный, стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пес безродный, стоит за ним, поджавши хвост... Вперед, вперед, рабочий народ!.."

Многие и сейчас ищут недостатки в этом знаменательном произведении, пытаются трактовать его... "антисоветским", "осуждающим революционный террор", "протестом против... революции". Другие — за внешним "фасадом" лубочности не видят глубокого философского смысла "Двенадцати": к старому миру нет возврата! Его дни закончились! Впереди борьба, кровь, но и... очищение, и прогресс, и выход на невиданный путь грандиозного социального скачка! И величавый финал поэмы не оставляет никаких сомнений:

"...Так идут державным (!!! — **В.К.**) *шагом — позади голодный пес, впереди с кровавым флагом, и за вьюгой невидим, и от пули невредим, нежной поступью надвьюжной, снежной россыпью жемчужной, в белом венчике из роз — впереди — Исус Христос".* Не в революции ли видел Блок "второе пришествие Христа"?

Вообще тема Христа в произведениях Блока — не такое уж редкое явление. Еще в 1907 году (ровно за 10 лет до Великого Октября!) он напишет:

"Когда в листве, сырой и ржавой, рябины заалеет гроздь,— когда палач рукой костлявой вобьет в ладонь последний гвоздь,— когда над рябью рек свинцовой, в сырой и серой высоте, пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте,— тогда — просторно и далеко смотрю сквозь кровь предсмертных слез, и вижу: по реке широкой ко мне плывет в челне Христос. В глазах — такие же надежды, и то же рубище на нем. И жалко смотрит на одежды ладонь, пробитая гвоздем. Христос! Родной простор печален! Изнемогаю на кресте! И челн твой — будет ли причален к моей распятой высоте?"

Александр Блок остался со своей страной, с ее народом, не изменив своим убеждениям: всегда делить с Родиной и радость, и горе!

7 августа 1921 года, не дожив до своей 41-й годовщины, он скончался в рабочем кабинете. 10 августа, при огромном стечении народа, великий Поэт был похоронен на Смоленском кладбище (впоследствии прах поэта был перенесен на Литературные мостки Волкова кладбища в Петрограде). Было много цветов, не переводились они и в последующие годы.

...Если бы мне суждено было выбирать надпись на могильной плите А. Блока, то, пожалуй, я предложил бы эту ("Роза и Крест"):

"...Ревет ураган, поет океан, кружится снег, мчится мгновенный век, снится блаженный брег!"

Достиг ли он "блаженного брега"? Эту тайну А. Блок унес навсегда с собой, туда, "откуда нет возврата"! Его земная жизнь — каскад тайн, больших и малых!

По-прежнему "мчится мгновенный век", досчитывая последние годы до XXI столетия. XX веку мы обязаны многим, в том числе и плеядой русских поэтов, каждый из которых мог бы составить славу любого народа или государства. К этой "серебряной" плеяде и принадлежал Александр Александрович Блок. Одарит ли нас век будущий такими же талантами? Хотелось бы в это верить! С духовного возрождения начнется и Новая Россия.

Вхожу я в темные
храмы.
Совершаю бедный обряд.
Там жду я
Прекрасной Дамы
В мерцании красных
лампад.

***

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит,
озаренный,
Только образ,
лишь сон о Ней.

***

О, я привык
к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

***

О, Святая,
как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи,
ни речи,
Но я верую: Милая — Ты.

(А.А.Блок. 25 октября 1902 года.)